

ПОЭТ ИГОРЬ ЧИННОВ

Б. В. ПЛЮХАНОВ

Игорь Владимирович Чиннов – русский поэт, живущий в США, автор восьми поэтических сборников (1), в прошлом – рижанин. Родился 25 сентября 1909 г. в Тукуме. Окончил Рижскую городскую русскую (Ломоносовскую) гимназию и Латвийский университет со званием магистра права. Дипломную работу написал по уголовному праву. Тема работы – поединок – заинтересовала его своей соотнесенностью с трагическими судьбами Пушкина и Лермонтова. Работа была написана по-латышски и привлекла к себе внимание в университетских кругах своим стилистическим блеском.

Его первые ученические литературные опыты публиковались в школьных журналах. Юмористический рассказ "Благорастворение воздуха" ("Школьная нива", 1927, № 3) на конкурсе рассказов был удостоен 1-ой премии. С возникновением в Риге в 1929 г. содружества молодых поэтов и писателей "На струге слов" Чиннов стал участником Содружества и печатался в его журнале "Мансарда". Первый вечер Содружества состоялся 15 октября 1930 г. На вечере выступило много молодых поэтов, но только Чиннову суждено было войти в большую литературу. Это было его первое выступление перед большой аудиторией. Вел вечер П. М. Пильский, участие принимал и С. Р. Минцлов.

В 1931 г. в Ригу вместе с Ириной Одоевцевой приезжал Георгий Иванов. Он заинтересовался писаниями Чиннова, некоторые из них взял с собой в Париж и там познакомил с ними Николая Опуа, редактора парижского журнала "Числа". С 6-ой книги "Чисел" (1932 г.) вплоть до 10-ой, последней, стихи и статьи Чиннова стали там появляться (2). Печатался он и в латышских периодических изданиях (статья о русской поэзии в журнале "Daugava"). Весной 1938 г. в Ригу приезжал И.А.Бунин. П. М. Пильский, друг Чиннова-отца (юриста, книжника, тогда уже покойного), познакомил Игоря Чиннова с Буниным, и Чиннов участвовал во всех встречах Пильского с Буниным.

События, связанные со Второй мировой войной, понудили Чиннова переселиться на Запад. Сам Чиннов считает, что до его отъезда из Риги его в литературе не было вовсе. Беды же тех лет, общественно-политический кризис, мучительная безработица коснулись и его. "Жалкую мою полужизнь тогдашнюю, бедные мои отрочество и юность стараюсь я не вспоминать. Потом бедствовал я в Париже— но собеседниками моими были Адамович,

Бердяев, Вл. Н. Ильин, Г. Иванов, Вейдле, Сергей Маковский..." (Из письма И. Чиннова к Б. Плюханову от 21.04.1981).

В Париже Чиннов оставался до 1953 г. Преподавал русский язык и литературу в русской гимназии; занимался теорией русской поэзии; выступал на литературных вечерах. В его собственных творческих вечерах среди других принимал участие и Б. К. Зайцев. В 1953–1962 гг. жил в Германии, продолжая занятия теорией русской поэзии; уделял особое внимание творчеству Осипа Мандельштама.

В 1962 г. И. Чиннов был приглашен в Канзасский университет, на кафедру русской литературы. Его педагогическая деятельность в нескольких университетах США продолжалась 15 лет. На пенсию вышел в 1977 г. "эмеритусом", т. е. заслуженным профессором русской литературы Вандербилтского университета. Параллельно с педагогической работой он много выступал со стихами и отдельными лекциями в различных университетах США и на всевозможных конференциях славистов. Вот как он описал свою жизнь в письме от 23 ноября 1975 г.: "хлопот был полон рот: ездил в три университета с лекциями и стихами и был на трех съездах славистов – с докладами и тоже стихами. Позавчера вернулся из Мемфиса (не египетского, увы, тенесского, своего), дней 10 из Канзаса, где когда-то жил, недели 3 назад был в Сев. Каролине... Через неделю еду в Нов. Орлеан, через 5 недель в Чикаго".

С 1978 г. И. Чиннов живет во Флориде, в Дейтона-Бич.

Я все еще помню Балтийское море,
Последние дни перед вечной потерей.
И кружатся звуки, прозрачная стая,
Прощаясь, печалюсь, печально играя.

Мы берегом светлым вдвоем проходили,
Вода на песке становилась сияньем
И ясные волны к ногам подбегали,
Прощаясь прохладным, прозрачным касаньем.

О, если б тогда, посяяв на прощанье,
Летейскими стали балтийские волны!
О, если бы стал неподвижно-безмолвный
Закат над заливом завесой забвенья.

А впрочем, я реже, смутней вспоминаю.
Журчанье беспамятства громче и слаще.
И звуки теней над померкшей водою
Лишь шопот. Лишь шелест.
Лишь шорох шуршащий. (3)

Чиннов покинул родные места вполне сложившимся человеком с разносторонними и широкими интересами, жаждавшим увидеть и узнать мир. Уже в юности он знал и говорил: культура – это чуткость. И сам был восприимчивым, чутким человеком. Живя на Западе, он много путешествовал, увлеченно наблюдал многообразие мира, пленялся его красотой, что, конечно, отразилось и в его стихах. Утрата "отчего дома" не привела его к замыканию в себя, погружению в прошлое. Он был "не чужой и в чужих пространствах" (4). Постепенно восприятие окружающего стало у него все больше обостряться, и все ярче становился его поэтический отзвук на увиденное, воспринятое, пережитое.

И великий и грозный собор в твердокаменной Авиле,
где паломники шли мимо терний Христова венца
(О, огромный Распятый! И царству не будет конца!)
ко святой и суровой Терезе, сказавшей о дьяволе
– что, не помню. Там сердце Христово мы славили
крестным ходом, среди готики, солнца и пыли – и,
как сказал проводник, в самом сердце Кастилии
мы оставили наши сердца.

Высокая дароносица,
высокий собор искусства!
Слиянье искусства и чувства.
В этой рифме сладостной русской
что-то есть, что к Богу относится.

Да, мы будем помнить
и экстазы Терезы над розами,
и к распятию страстный жест,
и витражи, которые созданы
из образчиков райских блаженств. (5)

В мечети султана Ахмета
Простор, тишина, пустота.
Забудем стамбульское лето:
Мечеть холодна и чиста.

Цветы неизвестного рая
На синих ее израспах.
На них, вероятно, взирает
Невидимый людям Аллах.

Огромно—пустое пространство,
Вверху — полутьма, полусвет.
Прими от меня, иностранца,
Аллах, иностранный привет.

И мы от незрямого Бога
Хотим очевидных щедрот
... Левей Золотого Рога,
Как роза, небо цветет. (6)

В яркой и знойной Флориде
(Нет, не в раю, не в аду)
Странную птицу я видел
В пыльном цветистом саду.

Голубоватый и алый
Клюв удлинен, искривлен.
Из брюзы и коралла
Кажется сделанным он.

Черная, с желтым и красным.
Тонкий по клюву коралл:
Точно Пикассо пикасно
Алый зигзаг написал.

И обвести постарался
Глаз – голубым ободком.
Странно, что Бог занимался,
Скажешь, таким пустяком?

Как это сделано! С чувством
Краски, игры, красоты!
Может быть, чистым искусством
Смеешь увлечься и ты? (7)

И все же многочисленные и яркие впечатления бытия" в "чужих пространствах" не искоренили в нем чувства родины. Образы родных мест остались с ним и вошли в его стихи с неотразимой наглядностью.

Виктору Емельянову

Душа становится далеким русским полем,
В калужский ветер превращается,
Бежит по лужам в тульском тусклом поле,
Ледком на Ладоге ломается

Душа становится рязанской вьюгой колкой,
Смоленской галкой в холоде полей,
И вологодской иволгой, и Волгой...
Соломинкой с коломенских полей. (8)

Что–то вроде России,
Что–то вроде печали...
(Мы о большем просили,
А потом перестали).

Чем–то нежным и русским
Пахнет поле гречихи.
Утешением грустным
День становится тихий.

Пахнет чуть кислото
Бузина у колодца...
Это было когда-то
И едва ли вернется. (9)

Чиннов признавался:

Кто повидал сокровища земные,
Не может разлюбить земли.

.....
Но то, что сердце заставляет биться,
Напоминает отчий дом. (10)

Чиннов, проживший вне родины почти пятьдесят лет, остался русским
поэтом:

Я знаю, жизнь моя висит на тонкой ниточке.
Удушье. Отворяю окна.
Но даже кровь моя стучит ямбически,
Четырехстопно, семистопно! (11)

Порой, читая вслух парижским крышам
Его стихи таинственно-простые,
В печали, ночью, в дождь – мы видим слышим
(В деревне, ночью, осенью, в России):

Живой, знакомый нам, при свечке сальной
Свои стихи, негромко, он читает,
И каждый стих, веселый и печальный,
Нас так печалит, словно утешает.

И кажется – из царскосельской урны
Прозрачная, хрустально-ключевая
Течет струя свободно и небурно,
Далеким светом сердце заполняя.

И полной грудью мы грустим – но счастьем,
Как вдохновеньем, безотчетно-мудрым
Наполнен мир, и стоит жить, и настежь
Открыв окно, дышать парижским утром. (12)

Приверженность к слову, к "святому ремеслу" поэта у Чиннова поразительна. И он понимает силу слова, как мало кто понимал (13). Он убежден в преображающей силе слова. Для него приверженность к слову — это прорыв сквозь мир обыденности, сквозь небытие к бытию, к миру чудес.

Шепчу слова, бессвязно, безотчетно,
Бессмысленно в безлиственной аллее,
Проходит день бесплодно и бесплотно,
Но темные слова уже светлее,

И вижу звук, как серебристый луч, я
И кажется — не обречен шептать я:
Уже слетает ангел полнозвучья
Наплывом музыки и благодати.

А в небе отблеск — дымный, дымный, длинный —
И колокол звонит (не дар Валдая)
И синие цветы иной долины
(Не то, что рай, но — иного края)
В сиянии цветут не увядая (14).

Что искусство? — порой говоришь:
Талисман, амулет, фетиш?
А пожалуй, искусство лишь

Голубая глупая блажь,
Только призрак, обман, мираж,
За который копейки не дашь.

Нет, не блажь, а блаженство. Певуч,
Иппокрена, таинственный ключ,
Самый сладостный, самый луч —

Лучший, светлый. Бессмертным лучом
Напой нас, волшебным питьем
Опои, опьяни торжеством
Над забвеньем и небытием! (15)

..... А что стихи? Обман? Благая весть?

– Дыханье, духовенье, вдохновенье.

Как легкий ладан, голубая смесь
благоуханья и – благоговенья (16).

Сама красота мира, торжественная, торжествующая выводит Чиннова за пределы мира. Для него все существующее как бы пребывает в "чаянии высот". Ему дано угадывать одухотворенность мира и находить полуслова и слова о том, что за пределами мира. В его поэзии часто эпитеты и метафоры придают вещественность тому, что не есть вещи, и невестественность – вещам, и сами стихотворения как бы "бормочут о неясном бессмертии". "А там, в аллеях, розовые дымы, // Как отсвет горнего Ерусалима. // Да, милый друг, почти осанна в вышних!" (17).

Здесь пахнет лазурью, ты знаешь? Здесь пахнет лазурью.

И струи фонтана трепещут золовой арфой.

И пыльным огнем золотится ветух, запевая,
и пестрый базар не стихает в полуденном свете.

И кажутся музыкой смутной далекие горы,
и в детских губах леденец золотистой свирелью.

На старой стене расплескалась волна винограда,
и в пыльном пылании вьются песчинки бессмертья.

И в светлом звучанье текут золотистые груды
июльского воздуха, нежного смуглого лета.

Огромные груды сиянья, громады лазури.
Смотри – половодье лазури, и горы как волны (18).

Каждый листик надеется стать соловьем
И минуты хотят опадать лепестками.
Персик, розовый персик – летать снегирем,
Валуны – вдалеке проплывать облаками.

Хочет елка быть Ладью древних князей,
Ярославной в Путивле за мужа молиться,
И хотелось бы маленькой детской слезе
Стать жемчужиной дивной на шее царицы.

Хочет вечер безлунный стать "Песней без слов",
И цикады мечтают: они – Геспериды.
О, волшебник Искусство! Лишь несколько слов –
И Плеядами станут земные акриды.

И колючки на розе – лучами. О, да!
Посмотри: только несколько жестов артиста,
И морская звезда – Голубая звезда,
И медуза, как чайная роза, душиста (19).

Первоначально стихам Чиннова был присущ "лирический аскетизм". В статье 1932 г. "Рисование Несовершенного" он выступил против назойливости стихов, против введения в них фона. Он считал, что нужна предельная скудость, почти бесцветная заглупленность, незаметность стихотворения (20). Юрий Иваск назвал стихи Чиннова того периода "поэзией замедленного мига":

Те сумеречные и жемчугами
Мерцающие в полусне стихи,
Нездешне-нежные, любимы нами:
И перемешиваются – легки (21).

У меня от этих стихов осталось впечатление их серебристости. Да и само слово "серебристость" встречалось в стихах.

К середине жизненного и творческого пути многое в поэзии Чиннова изменилось. Изменился его словарь, возникла повышенная образность, изощрились средства изображения; поэзия изменилась постепенно и изображаемый мир: "Как будто серной кислотой // Изъеден день мой золотой" (22). В его стихи проникает "черный юмор", они наполняются гротеском, нарочитой грубостью, иронией. Поэт становится "свидетелем обвинения" (23). Многие в стихах Чиннова начинают напоминать слова В.Ф.Ходасевича, автора "Европейской ночи". У Ходасевича:

Нелегкий труд, о Боже правый,
Всю жизнь воссоздавать мечтой
Твой мир, горящий звездной славой
И первозданною красой (24).

Чиннова:

Сквозь буквы торговых фирм,
Сквозь дождь, сквозь дома Парижа,
Сквозь весь непрозрачный мир —
Другой рисунок я вижу,
Другие лилии в нем
И краски тоже другие.
Но прблески неземные
Так трудно видеть в земном (25).
А это стихотворение "свидетеля обвинения":
Где-то светлый Бог, где-то вечный свет.
Предъявить бы счет, возвратить билет.
Здесь нельзя дышать, мне темно от зла.
Дай мне воздуха, света, тепла.

Но хотя я мучаюсь, маюсь, мечусь,
Я билет возвратить боюсь.
Белкой в колесе... Как рыба об лед.
Предъявить не смея счет.

Ты увидел бы взмах моей руки
Над мерцаньем ночной реки?
Ты увидишь тусклую тень — и пятно —
Если выброшусь я в окно?

Я не выброшусь. Я готов стареть,
Чашу пить до конца, молчать, терпеть.
И дождусь. Не будет грусти и мук,
Вместо грусти будет — каюк (26).

И тем не менее, основа поэтического мира Чиннова неизменно духовна. Она обеспечивается также непреложными для него точностью, предельной искренностью, благородной правдивостью самовыражения, удивительной

личной внутренней скромностью, может быть, даже смиренным.

... Или небо вечернее, цвета
Бирюзы, сквозь березы –
Это все же обрывок ответа
На молитвы и слезы? (27)

... Как часто я
Вдруг чувствовал (с болью – в пусть),
Что самое светлое счастье
Похоже на светлую грусть.
Да, это, пожалуй, предчувствие
Бессмертия – счастья вполне,
Нездешней, несбыточной грусти,
В которую верится мне (28).

Приверженность Чиннова к радости, к счастью существования
безгранична, дар жизни для него бесценен.

Странно, что все же могу утешаться я,
Глядя, как вновь зацветает акация,

Глядя, как бабочка трещится, мечется –
Тоже, пожалуй, сестра человечества (29).

В одном из самых ранних своих стихотворений он писал:

Покосившиеся избы,
Косо над колодцем жердь.
И такой печальной жизни
Все-таки печальней смерть.

Отсюда же острое переживание невозвратимости пережитого,
быстротечности жизни и неотвратимости ее конца.

В дружбе Чиннов был внимательным, чутким, верным. Его ближайшими
друзьями были поэты Юрий Павлович Иваск и Тамара Генриховна Межак,
спутница жизни Иваска. Они покинули Прибалтику вместе с Чинновым в
1944 г. Дружба их продолжалась и на чужбине. Когда в феврале 1986 г. Иваск
скончался, Чиннов посвятил его памяти особенно трогательное
стихотворение:

В Печерах, где природа ненарядна,
Есть церковь малая Николы Ратна.

Кубическая, белая, простая,
Она поет, из праха вырастая.

Никола Ратный, храбрый Божий ратник,
Нас осенял хоругвью в Светлый Праздник.

Святил священник куличи и паски.
Я там узнал о Юрии Иваске.

У белой звонницы Николы Ратна
Мы повстречались в тишине закатной.

Игрок "Играющего человека",
Он стал мне другом. Другом на полвека.

Музеи, церкви, города и веси
Мы повидали, восхищаясь вместе.

На Мексеку, на Рим, на древний камень
Он отзывался страстными стихами.

А в старости ему была услада:
Увидеть блеск державный Петрограда.

И он смотрел, взволнованный, влюбленный,
На Стрелку, на Ростральные колонны.

И легкую гармонню Растрелли
Он понимал, как другие не умели.

Пушкой сиянье питерского солнца
Сойдет в раю на русского эстонца.

Пушкой в раю сияет незакатно
Ему любимый храм Николы Ратна .

"Эмиграция,— говорил Юрий Иваск, — это всегда несчастье. Но иногда это и удача". Стихотворческое дарование Тамары Межак на чужбине заглохло. Юрий Иваск стал заметным деятелем русского литературного Зарубежья. Игорю Чиннову—поэту эмиграция принесла творческий расцвет, признание, славу. Его творчество отмечено в пяти литературных энциклопедиях, ему посвящено более сорока критических статей. О Чиннове много писали и воспитанники Тартуского университета Юрий Иваск, Алексис Раннит, воспитанник Таллиннской русской гимназии, позже профессор Кембриджского университета Николай Андреев.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сборники И.Чиннова: Монолог. — Париж: изд-во Рифма, 1950; Линии. — Париж: изд-во Рифма, 1960; Метафоры. — Нью-Йорк: изд. Нового журнала, 1968; Партитура. — Нью-Йорк: изд.Нового журнала, 1970; Композиция. — Париж: изд-во Рифма, 1972; Пасторали. — Париж: изд-во Рифма, 1976; Антигеза. — Изд-во Бирхбарк Пресс, 1979; Автограф. — Изд-во Нью Инглад Паблшинг Компани, 1984. Далее в статье мы старались приводить как можно больше стихотворений Чиннова из разных сборников, учитывая что его творчество еще мало известно на родине (см. подборки его стихов: Даугава, 1989, № 7; Новый мир, 1989, № 9; Новый мир, 1991, № 12; Огонек, 1992, № 9; Новый мир, 1991, № 12; Огонек, 1992, № 9; Литературная газета, 1992, 8.01., № 2 (5379); газета Северо-Восток (приложение к Сибирской газете), 1992, № 7 (11)".

2. В сборниках "Числа" опубликованы статьи и стихи И.Чиннова: Рисование Несовершенного (1932, кн. 6); "Я за весною пошел...", "Меркнет дорога моя..." (1933, кн. 7—8); Отвлечение от всего (1933, кн. 9)— Отрывок из дневника— "Так бывает...", "Нарциссы" (Кн. 10).

3. Линии, с. 39.

4. Зинаида Шаховская. Среди книг: "Автограф" Игоря Чиннова. — Русская мысль (Париж), 1984. Там же З.А.Шаховская писала: Чиннов поэт русский, и где бы он не находился — в Египте ли, в Перу, Испании или Мексике, среди пальм и олеандров, припоминается ему, как "наводит сирень легкую тень на плетень" или придут на ум "черные перья грача" или "предвесеннее льдистое крошево".

5. Автограф, с. 57.

6. Пасторали, с. 27.

7. Там же, с. 20.

8. Партитура, с. 33.

9. Линии, с. 32.

10. Пасторали, с. 44.

11. Автограф, с. 93.

12. Стихотворение было прочитано вскоре по приезде в Париж, на вечере памяти Пушкина в Русской консерватории. "За зеленым столом сидели Бунин, Ремизов, Сергей Маковский, Георгий Адамович, Георгий Иванов. А в зале был литературный и художественный русский Париж" (Игорь Чиннов. О себе. — Даугава, 1989, № 7, с.92–93). Чиннов "был вынужден жить в Париже в каком-то мансардном поднебесье", — сообщил Александр Бахрах в статье "Один из последних" (Русская мысль, 1978, 16 февр.).

13. Николай Андреев даже писал: "Чиннов — прекрасный поэт, понимающий силу слова так, как один Пушкин ее понимал. У него свой, безошибочный почерк" (Русская мысль, 1953, 9 дек.). Об авторе статьи — историке Николае Ефремовиче Андрееве (13.03.1908 — 25.02.1982) см. подробней: Новый журнал (Нью-Йорк), 1982, кн. 147, с. 263–270. О "безошибочности почерка" И. Чиннова неоднократно писал Г.В.Адамович.

14. Партитура, с. 53.

15. Пасторали, с. 64.

16. Метафоры, с. 45.

17. Пасторали, с.8. Поэт, литературовед Юрий Константинович Терапиано (1892 — 3.07.1980) писал: "Главное в поэзии Чиннова — умение одухотворять все, что он видит перед собой. Его "метафизима" это, прежде всего, любовь к жизни, к земле, ко всему миру и через нелюбовь ко всему, что за пределами мира" (Новые книги. — Русская мысль, 1976, 29 апр., № 3101, с.10–11).

18. Метафоры, с. 9.

19. Пасторали, с.9.

20. Числа, кн.6, с.228–229.

21. Юрий Иваск. — Играющий человек. Поэма. Изд-во "Третья волна". Париж — Нью-Йорк, 1988. 126 с., см. с.34. Первоначально была опубликована в журнале "Возрождение". Париж, 1973, № 240–242.

22. Антитеза, с.71.

23. См. стихотворение "И я свидетель обвинения..." — Антитеза, с.97. О поэтике гротеска у И. Чиннова см. статью М.Крепса (Новый журнал, 1990, № 181, с.84–87).

24. Стихотворение В.Ходасевича "Звезды // Ходасевич В. Собрание стихов. Изд-во "Возрождение", Париж, 1927. 183 с. См. с. 175–176.

25. Линии, с.51.

26. Антитеза, с. 68.
27. Линии, с. 23.
28. Там же, с. 47.
29. Там же, с. 27.